

КИНЕМАТОГРАФ:
ЖИЗНЬ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Иосиф ПОСЕЛЬСКИЙ

ИРАН

Из дневника режиссера
и оператора-документалиста

Человек с киноаппаратом—по Вертову—человек-киноаппарат, человек-механизм, кентавр XX века, не совсем человек и не совсем аппарат, нечто более совершенное, чем то или другое взятое по отдельности.

Дневниковые записи Иосифа Михайловича Посельского (1899–1970)—своего рода доказательство обратного, совершенности человека без киноаппарата, человека не киноаппарата, человека просто. Совершенности его взгляда.

Свои записи Иосиф Михайлович Посельский вел во время съемок, но это не совсем дневник съемок. Группа Посельского прилетела в Иран в июне 1942 года, их задачей было создать фильм об этой стране, ее истории и настоящем. Премьера состоялась в Тегеране 14 апреля 1943 года.

Из советских газетных отчетов того времени можно узнать, что «на просмотре присутствовали премьер-министр Ирана Сохейли, председатель меджлиса Эсфендиари, министр двора Ала, министр иностранных дел Саед, советский посол т. Смирнов, редакторы газет, деятели науки и культуры и многочисленные гости... Министр заявил, что фильм «Иран» не имеет себе равных и что все иранцы, любящие свою родину, должны посмотреть его». На премьере от имени шахиншаха Ирана советским кинороботникам были вручены ценные подарки.

Иранские газеты писали, что «этот исключительный фильм показывает сельское хозяйство Ирана, его промышленность, города и различные местности и, наконец, исторические памятники древнего Ирана. Фильм сделан с любовью и уважением к иранской культуре и доказывает искренние чувства советского правительства по отношению к нам, иранцам, и нашей дорогой родине».

Дневниковые записи тоже рассказывают о стране, но нечто прямо противоположное.

Фильм давал официальный взгляд на Иран, взгляд не Посельского или любого другого человека, а взгляд государства, Союза Советских Социалистических Республик. Тогда, как и сейчас, наша страна была крайне заинтересована в дружбе с Ираном. Как и сейчас, тогда Иран являлся сферой интересов великих держав. Летом 1941 года в Иран были введены союзные войска СССР и Великобритании. 29 января 1942 года между тремя странами был заключен Союзный договор. В порты Персидского залива стали приходить грузы из США и Великобритании по ленд-лизу. Из доставленных деталей собирали автомобили и самолеты, загружали их медикаментами, боеприпасами, запчастями, продовольствием и перегоняли в Советский Союз. Это тоже стало одной из тем фильма Посельского.

Записи Иосифа Михайловича субъективны, непосредственны, в них виден человек любопытный, внимательный, неглупый и—абсолютно советский. Тем не менее, именно из этих субъективных записей встает объективная картина Ирана того времени и, если угодно, объективная картина времени.

Как оператор и режиссер Иосиф Посельский видел мир опосредованно—через объектив кинокамеры. При этом зритель воспринимал им увиденное и запечатленное уже непосредственно, собственными глазами глядя на экран.

Как путешественник Иосиф Посельский видел мир непосредственно, собственными глазами. Но мы можем воспринять им увиденное и запечатленное лишь опосредованно—через слово.

В данном случае посредник между нами и тем, что видел Посельский,—слово—само является составной частью той реальности, которую описывает, нераздельно принадлежит этой реальности. И потому, что написано практически в тот миг, который описывает, и потому, что раскрепощено—в отличие от изображения, которое обусловлено не только цензурой и политическими установками, но и техническими возможностями (наличие пленки, условия освещения...).

Все эти соображения очевидны. Я лишь хочу подчеркнуть особенность дневникового слова вообще. Оно перестает быть просто описанием чего-либо, оно словно замещает то, что описывает, становится самим фактом. Для нас, во всяком случае. Так, к примеру, описание в дневнике Посельского курильщика опиума равно нашей реальной встрече с этим курильщиком, как если бы он все еще сидел и курил. Как если бы опиумный дым был собран тогда в особый сосуд, приоткрыв который сейчас, спустя десятилетия, мы могли бы вдохнуть толику того дыма. Речь не о литературном мастерстве, а о запечатленной в слове реальности. Как будто слово—янтарь, в котором эта реальность застыла диковинным жуком.

Чтение дневников кинорежиссера Посельского—своеобразное путешествие во времени.

Жаль, что оно оборвется «на самом интересном месте»: в рукописном отделе Музея кино сохранились только фрагмент дневника (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 6; тетрадные листы, карандаш) и фрагмент очерка, написанный, очевидно, по горячим следам неостывших впечатлений (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 5; тетрадные листы, чернила). Их мы и предлагаем вашему вниманию.

20/VI. Трансиранская ж.д. Уже больше часа, как наш поезд отошел со станции Тегеран по направлению на юг,—к Персидскому заливу. Мы поднялись сегодня рано, к 6 часам утра были в полной готовности и терпеливо ждали машину, которая должна была отвезти нас на вокзал. Два дня уже мы живем на территории нашего посольства, куда мы приехали из гостиницы «Лализар». Наше посольство занимает большую территорию на улице¹

Это лучший в городе парк, с большими прудами и фонтанами. Густота насаждений, старые ветвистые деревья напоминают наши клены и ивы, масса цветов и преобладают розы. За парком хорошо следят. Система прорытых каналов легко и просто несет парку живительную влагу. В большом белом здании расположилось посольство, в глубине парка стоят другие красиво разбросанные корпуса. Мы живем в старинном доме восточной архитектуры. Резные колонны, мозаика. Работники посольства нам рассказали, что этот парк много лет тому назад принадлежал знатному шаху². Царское правительство откупило все это поместье, но наследство это перешло к нам и теперь советским кинороботникам отвели комнату в корпусе, где шах размещал свой гарем. Вчера, когда Виктор³ заряжал кассеты и проявлял пробы, я размечтался и представил себе, как все новое, что пришло в это здание с тех пор, постепенно начало уплывать. Уплыли наши довольно обычные кровати, кафельная печь темно-зеленого цвета, умывальник—дачного образца. Раздвинулись стены; сквозь темную и звездную ночь светились цветные стены гарема, поплыли заунывные восточные мотивы и девушки, самые красивые, которых накопил себе старый шах, в костюмах одалисок начали свой танец-хоровод. Все это я рассказывал Виктору.

—Так, так!—многозначительно протянул Виктор.—Ну, а позвольте спросить Вас, мистер «Посельск», чем кончилась эта заваруха?

—Телефонным звонком! Алло! Товарищ Посельский, машина на вызове? Подойдет к Вам в 6.30. Будьте наготове!!

В 6.30 мы были наготове. Аппараты, штатив, чемодан—ждали машину у входа «в гарем». Машина опаздывала, и мы немного понервничали. Советский шофер, хороший парень, как видно любитель поспать, подъехал довольно поздно, но зато молнией нас мчал через город на вокзал. Он обгонял слева и справа и без того мчавшиеся машины, выкорючивал зигзаги вокруг велосипедистов и пешеходов. И если можно представить себе самого злостного нарушителя правил дорожного движения,—так это был наш шофер. Красивый новый вокзал был заполнен английскими войсками, индусами, отправлявшимися на юг. Я направился, как мне заранее посоветовали, в правый угол вокзала, где на стекле красовались три буквы РТО. Что означают эти буквы, пока мне неизвестно. В комнате сидели двое. Один из них—английский офицер. Блондин с маленькими белыми усиками. И против него—высокий черный перс европейского типа в светлом костюме. Я несколько волновался, что поезд может быстро отойти, а у нас еще нет билетов и багаж с аппаратурой на машине. Офицер попробовал спросить меня по-английски, перс—по-французски. Ответ последовал от меня один—Андимешк⁴; и два вытянутых пальца должны были пояснить—два билета. Зная, что на юг должно быть особое разрешение англичан, я молниеносно вытянул из портфеля письмо английской военной миссии в Тегеране, где англичане любезно

предоставляли возможность советским «военным» кинооператорам посетить юг Ирана: Ахваз, Абадан, Бандар-Шахпур и даже переехать границу Ирана—в Ирак, в город Басра⁵, чтобы заснять сборку самолетов и машин, которые американцы посылают в помощь Советскому Союзу.

Пока я показывал свои документы и нам оформлялись билеты, в комнату входили офицеры английской армии в пробковых шлемах, индусы в искусно накрученных белых чалмах, поляки в форме английской армии и тут же персы; офицеры, жандармы в шлемах и в лакированных сапогах, в суконных френчах, с туго затянутыми поясами повыше талии.

Все европейское, что проникло в последние годы в Иран, в плане архитектуры носит опрятный характер. Здания строгие, конструктивные, обошлись они новому Ирану в хорошую копейку, т.к. строили эти здания иностранцы, и иранцы берегут их и поддерживают хорошую чистоту. Здание вокзала, перрон, паровозы, вагоны, шпалы, рельсы—все привозное. Дорога только два года как пущена, еще много неполадок и много своеобразного. В купе, куда нас повел перс в сером костюме, четыре места. Широкие окна, мягкие диваны, удобный складной столик, по бокам которого удобно расположились пепельницы. Вагоны хорошие, но только хозяин, их производивший, большая сволочь—господин Крупп⁶. Перс вписал наши фамилии на табличку при входе в купе, получил с нас изрядную сумму и ушел. Я ему вдогонку напомнил о билетах и что до отхода поезда осталось несколько минут, перс улыбнулся и кивнул головой. Что обозначала эта улыбка и кивок головы, осталось известно только ему. Как видно, я был здорово озабочен, т.к. польский офицер, увидав мою растерянность, поспешил меня успокоить, что билет он принесет. И действительно, за минуту до отхода билет у меня был в кармане.

Поезд отошел точно по расписанию. Наш поезд, уходя от платформы, оставлял провожавших, которые долго оставались на ней, приветствуя так же, как это делается в Москве на Казанском вокзале. Старушка-мать в черном платье, белым покрывалом прикрывая свое лицо, втихомолку вытирала слезы. Англичане в коротких штанинах, гладко причесанные—приветствовали друзей широкой улыбкой и [здоровым] видом сверкающих зубов. Богатые персы в серых светлых костюмах, несмотря на высокую температуру, в галстуках, в пиджаках—высоко поднимали свои шляпы и довольно громко старались перекричать друг друга. Поезд ушел.

21/VI. Я опускаю весьма интересный путь, который мы проделали от Тегерана до Андимешка. Если хватит сил заставить себя, я этот пробел восполню, а теперь начну с того, когда мы вышли на платформу Андимешка. Ночь. Страшная духота, горячий воздух, дуновением ветра обжигает тело. Старик извозчик, проработавший 36 лет на русской дороге в Персии—Джюльфа-Таврия, теперь нам помогал выносить аппаратуру. База сборки американских авиамашин для СССР находилась где-то поблизости, но как добраться до места, мы не предполагали. Неожиданно у нашего вагона раздалась русская речь. Это шофер с базы приехал встречать приезжающих. И вот в темную южную ночь врывается свет от нашей грузовой машины «Додж». Едем по суглинистой пустыне. Машина оставляет за собой густой столб пыли. Изредка нам встречаются кремовые английские «тропические»

грузовики, за рулем которых сидят черные индусы в белых чалмах. Машина делает крутой поворот. Мы значительно подпрыгиваем и после легкого удара моей головы о крышу кабины, минуем ров, куда нас заносило, и выезжаем в военный городок. Караульный начальник, с украинским акцентом, повел нас в душ, вынес две койки на воздух, и т.к. жизнь в лагере начинается в 4 часа утра—мы легли отдохнуть.

То, что сейчас написал, я зачитал Виктору, и он внес существенное замечание. Я опустил некоторые подробности нашего купания. Дело в том, что, когда мы вошли в душ и разделись, мы предвкушали свежеть холодной воды, вода, как нам объяснили, подавалась в душ из горной реки, и каково же было наше разочарование, когда на наше тело полился сущий кипяток. Так не щадило нас солнце даже на этот раз.

Утром мы представились начальству. Передали ему приветы и письма из торгпредства и рассказали цель нашего приезда. Уже в 4 часа утра стояло пекло. Начальство повело нас немедленно на склад, где мы получили тропическое обмундирование английского образца. Пробковые шлемы, короткие штанишки и гимнастерки. Вид у нас презабавный. Наши северные костюмы и цветные галстуки немедленно полетели в чемоданы. Солнце здесь жестоко. Солнечные удары и паралич спинного мозга явление частое и шутки с ним в сторону. Пока мы облачались в новый и необычный вид, в комнату вошел индус и, оскалив стройный ряд белоснежных зубов, что-то пробормотал, как выяснилось—нас ждали завтракать. По военному городку разбросаны глиняные домики, только что построенные из дешевого сырья. Основа—дерево из-под тары привозных автомобилей и глина, которой полна пустыня. Строили эти дома иранские дети в возрасте от 8 до 10 лет. Мы задали, казалось, резонный вопрос: почему дети, когда столько персов-лентяев вокруг нас. И последовал не менее резонный восточный ответ: детская рабочая сила дешевле, да и дети лучше работают, чем взрослые персы. Если Индию называют страной чудес, то Иран можно назвать страной нищеты, контрастов, взяточничества.

Когда мы приехали в Иран, а это всего 16 июня, папиросы пачками продавались на каждом шагу и недостатка в них не было, сегодня папиросы исчезли и правительство объявило, что впредь население будет получать по 2 с половиной папиросы в день. Когда мы персов спросили, чем объяснить новый закон, они усмехнулись: «Это очередная спекуляция одного из министров. Он, наверное, закупил крупную партию и издал новый закон, чтобы заработать себе на пропитание».

Солнце печет. Почва раскалена. Ветер юго-западный. Дует с Аравийской пустыни. В 2 часа дня должна уехать большая автоколонна «Доджей» на север Ирана, чтобы затем погрузиться на платформы и отправиться на фронт. Мы заранее пошли на площадку. Выбрали планы для съемок и ждали сигнала. Хотели сегодня же снять и мастерские, куда также выехали для осмотра, но нас ждало разочарование. В больших мастерских, где идет сборка машин, сегодня выходной. Нас любезно встретила индусская стража, и мы осмотрели американские мастерские. На пути стояли составы с ж.д. платформами, груженные большими серыми ящиками. Тут же стояли большие краны и расколоченные ящики, откуда появлялись радиаторы знакомых нам по Москве больших грузовиков: «Доджей», «Фордов» и «Студебеккеров».

Жара усилилась. Термометр показывает 70°. Потоки пота скатываются с нас, хотя мы голые лежим на койках. Наши злостные враги—мухи. Они норовят сесть на самые уязвимые места. Они не дают спокойно лежать секунду, и от них мы убегаем в душ, где обливаемся кипятком.

Индусы нас полюбили. Время от времени они приносят нам подарки: то прессованной сладкой хурмы, то консервированную малину и, наконец, кусок льда. Самого настоящего льда, несбыточная мечта каждого европейца.

Пришло начальство и сообщило нам, что съемка в 2 часа отменяется. Он не рискует нас вывезти на открытое место, т.к. шоферы, сравнительно привыкшие к высокой температуре, не выдерживают и падают в обморочном состоянии. Он заверяет нас, что следующая колонна отправится завтра рано утром. Солнце не будет еще сильным, и съемка пройдет спокойнее. Кроме того, чтобы день не пропал бы напрасно, предлагает вечером отправиться за 20 километров, в город Дизфуль (город на юго-западе Ирана), древнюю столицу Ирана, в нашем плане который был также указан. Мы соглашаемся.

Дизфуль. У подножья города течет бурная горная река того же названия. Мост. Две боковые стороны его очень древни. Мост был построен при Шахпуре⁷. Его быки, простоявшие многие века, абсолютно сохранены. Оказывается, кирпич быков клался не на цементе, а на сырых яйцах. На развалинах старой мельницы и в пещерных берегах расположены чайханы. В одну из пещер зашли мы. На маленьком плато, перед пещерой, сидел старый перс и курил опиум. Когда мы вошли, он еще не терял сознания и любезно нам рассказывал про древнюю столицу и достопримечательности города, а затем, как-то мгновенно, потерял сознание и, очумелый, не замечая нашего присутствия, остался в неподвижной позе. Мы долго наблюдали за ним. Голова старика была странно побрита широкой полосой от лба до затылка. Оставшиеся по бокам пучки волос были окрашены хной в ярко-огненный цвет. Возле него возился молодой хозяин чайханы. В маленькую жаровню он подкладывал дорогостоящий здесь древесный уголь и, чтобы уголь не сжигался быстро, обкладывал его пеплом. На углях грелся миниатюрный жестяной самоварчик с крепким вкусным чаем (и, несмотря на официальный закон, запрещающий курение опиума, тут же лежали опийные трубки, запломбированные налоговым управлением). По крутым ступеням от реки поднимались с бурдюками старики, женщины и дети. Чтобы не уронить бурдюк, совсем маленькая девочка шла в гору осторожно, веревку для уверенности держа в зубах.

Город Дизфуль—большой нищеты. И персы, и арабы в этом городе очень бедны. Я уже их различаю. Персы в лохмотьях, в суровой и страшно рваной одежде. Арабы в больших накрученных чалмах и легкой юбке из красного шарфа. Дети, как правило, больны трахомой и разными кожными болезнями. Несмотря на высокую температуру, жители предпочитают отсиживаться в тени у реки и бить вшей, чем залезть в чистую воду, искупаться и заодно постирать белье.

Мы отправились в город. Прошли по главной улице, которая представляет из себя ряды глиняных сооружений, сплошь состоящих из торговых лавок. Спят на крыше под открытым небом. В лавках торгуют мануфактурой цветной, посудой, колониальными товарами, овощами и фруктами.

Торгуют, но совершенно не видно покупателей. Сидит перс у лавки, измученный жарой, или пьет чай глотками из крохотного стаканчика, или развалится посередине своего универсама на глиняный пол и методично крутит палочку своеобразного веера.

Мы зашли на базар. Узкие кривые улочки мощены крупным булыжником. Около сточных ям расположился торговец дынями. Тысячи назойливых и злых мух лепятся вокруг людей, продуктов и сточных ям. Шум на базаре огромный. Старики, женщины, дети стараются перекричать друг друга. Нам приходится пробираться в тесноте, обходя ослов, чрезмерно груженных разными грузами, торговцев, разложивших свои товары на середине улицы. Всюду снуют голые ребятишки, женщины, для кокетства воткнув в ноздри пару колец. Свирепый шум издают жестянщики. Тут же, на базаре, они бьют по кувалде, выделывая из жести самоварчики, подносики и другие изделия. Наше появление на базаре с киноаппаратом и наша английская одежда, шлемы и цветные очки вызывают любопытство. Постепенно вокруг нас собирается толпа. Она мешает нам спокойно подмечать самое важное, и так толпа провожает нас до конца базара.

В Дизфуле мы остановились около разрушенной мечети. Знойные ветры веками выветрили когда-то величественное сооружение. Сегодня сохранились старые ворота и вход в мечеть необычайно сложной, красивой архитектуры, украшенной плитками цветной майолики в голубых тонах.

Утром мы выехали на съемку. Американский офицер долго проверял наши документы, подозрительно посматривал на все наши действия и, желая скорее от нас избавиться, уверял нас, что съемка мешает ходу работ. В действительности это было не так. Тяжелые краны снимали с платформ ящики с машинами. Рабочие ставили шасси на колеса и увозили на сборку так же, как это делается обычно. И мы со свойственной сноровкой кинохроникеров спокойно и быстро все это запечатлели на пленку. Переводчик время от времени подходил к нам и заявлял протесты американского офицера против некоторых вещей, которые мы снимали. Многие они считали секретным, но мы мало в этих секретах разбирались и лупили всё подряд. А затем, засняв на площадке, мы пригласили американцев на съемку на советскую площадку, откуда уходят автоколонны в Союз. Они были тронуты нашим вниманием. Собрались точно в намеченный час, и уже на площадке мы подружились с офицером и рассказывали, как велика сейчас наша задача показать Советскому Зрителю ту «огромную» помощь, которую оказывает Америка Советскому Союзу.

Да, снимая картину в Иране, нужно быть хорошим профессионалом и не менее хорошим дипломатом. На востоке это особенно нужно и важно.

Вечером мы провожали нашу колонну километров за 15-20 от Анди-мешка, все выискивая поинтереснее кадры. Остановились в красивом месте, где по склону горы дорога делает несколько зигзагов. Тут же маленькая речонка, красивый мост и старая арабская крепость, где ныне размещен иранский жандармский патруль. Мимо нас уходили машины. Они еще должны пройти длинный путь с юга на север Ирана через мертвые, выжженные степи и горные перевалы. И скорее, скорее двигаться к линии фронта. Машины везут срочные военные грузы, и с каждым шофером мы сердечно обмениваемся приветствиями, провожая его добрый взгляд, мыс-

ленно ему говорим: «Поезжай, дорогой, осторожно! Чтобы ты все довез в целости. Этот груз сейчас очень нужен фронту».

23/VI. Я не успеваю записывать. Впечатлений много, а времени для записей очень мало. Сегодня мы уезжаем дальше на юг, в столицу провинции Хузистана—Ахваз. Про этот город нам рассказали мало, нас уверили, что в этом городе мухи все сдохли от жары. Ну, нас это здорово обрадовало. Ведь в Андимешке эти дни стояла жара в 70 градусов, что же нас ждет? Я совершенно теряю аппетит, пью за сутки бочку воды, обливаюсь потоками пота, худею на глазах у Виктора и временами чувствую себя очень ослабленным. Один из наших новых друзей—индус, родом из Калькутты, зашел ко мне весь мокрый и жалуется мне на русском языке—«жярко!» Ему жарко, а каково мне???

В три часа мы отправились на вокзал. До металлических частей машины лучше не дотрагиваться. Все огненное. Потоки горячего ветра обжигают тело. Глиняные столбы пыли в степи поднимаются на сотни километров вверх. Утро ушло на подготовку к отъезду, сборку вещей и большую стирку. Стирались рубашки, полотенца, носки и платки. Белье получилось чистым. Пришили оторвавшиеся английские пуговицы, которые пришиваются на фабриках значительно хуже, чем в «Москвошвее». Распрощались с здешней администрацией, как хорошие друзья, и теперь мы в пути на вокзал.

Два амбала подхватили нашу аппаратуру и внесли в вагон, который был прицеплен к товарному поезду. Поезд без причины здорово нарушал график и, казалось, не собирался вообще двигаться в путь. В купе, куда мы уселись, заблаговременно внесли больных английских солдат. Оставив свои вещи в купе, мы вынуждены были болтаться в коридоре. Жажда одолевала. Горло пересохло. Начиналась головная боль. Поезд медленно отошел от станции. Вагон полон англичанами и индусами. Последние держат себя весьма независимо, тактично и опрятно. Англичане, как хозяева и завоеватели. Смотришь и изучаешь их. Ребята здоровые, крепкие, красивые, а воевать не очень сильны. Сегодня мы получили неприятные сведения, что Тобрук⁸ они оставили. И кажется, от этой новости у нас повисли носы более значительно, чем у них. Они напевают и насвистывают песенки, как ни в чем не бывало. Еще будучи в Тегеране, нам рассказали, что в день падения Сингапура⁹ в местном фешенебельном баре «Аполло» англичанами было выпито максимальное количество пива и виски.

Неприглядная картина красовалась через окно вагона. Голая, выжженная степь. Скучное и тоскливое зрелище. Изредка где-то тянутся груженные ослы. Звук их колокольчиков смешивается с ритмичным шумом колес поезда. Мы узнаем, что рядом с нашим вагоном—товарный вагон-буфет. На ходу поезда мы переходим открытый тамбур. Горячий ветер вот-вот снесет с тамбура. Дверь заперта. Мы неистово стучим. После долгого молчания персы открыли двери в рай. Бачки с водой, лед, пиво. Трудно описать, какое это счастье!

Ахваз. Поезд подошел с большим опозданием. Темно. Выходим на вокзальную площадь. Англичанам подали машины, и они мгновенно смылись. Что делать нам? Дрожek и машин нет. Наступает ночь. Вот уже два часа как мы сидим на ступеньках входа в вокзал. Амбалов пришлось отпустить. Я иду на вокзал. Ищу английскую комендатуру. Прошу соединить меня

по телефону с русским консулом. После долгих трудов меня соединяют с торгпредом. Разговор не любезный, как видно [я] нарушил сон, и вот мы решаем оставить аппаратуру у англичан, а сами уходим в город в поисках гостиницы. Город спит. Жители спят на асфальте тротуаров, на крышах. Изредка попадаются полицейские, которые слышат нашу русскую речь и даже не останавливают. Мы проходим по мосту через широкую реку Карун. Красивый мост. Широкая река. Вот и гостиница. Мы попадаем в лучшую гостиницу, название которой однородно названию реки. Постель, чистое белье. Давно уже не спали, как люди. Мгновенно засыпаем.

24/VI. Днем мы отправились к консулу. Извозчик подвозит нас к зданию с глухими стенами. Тяжелая, массивная входная дверь заперта. Вместо звонка металлическая кувалда. Ударяем, и стук получается довольно внушительным. Дверь открывает молодой человек в цветной пижаме. Это и есть сам консул. Мы проходим в кабинет. Рассказываем ему цель нашего приезда, а через полчаса расхаживаем по персидскому дворику в одних трусах. Принимаем приятный душ и сами залезаем в ледник за холодной водой. Днем осмотрели город, заехали в гостиницу за вещами и перевезли их в консульство. И наутро готовились к поездке в Бандар-Шахпур к берегам Персидского залива. Продолжает стоять невыносимая жара. Днем город вымирает. Люди от зноя прячутся так основательно, что создается впечатление мертвого города. Ближе к 5-ти часам, когда солнце уходит с зенита и на улице появляется узкая теневая сторона, выползают постепенно жители города. И движение в городе идет по узкой обочине теневой стороны. В городе много индусов и англичан. Ахваз—столица Хузистана—является английской сферой влияния. Русских меньше десятка. К нам весьма предупредительны.

24/VI. В городе все спят на крышах. На крыше спит наш консул, там же спали и мы. В 6 утра подъем. Вещи собраны. У входа ждет извозчик. Консул в помощь нам выделил своего секретаря, который едет с нами. Снова в путь.

Лениво идет поезд на юг. Пассажиры изнывают от жары и непрерывно пьют воду со льдом, лимонад, пиво. За такой день каждый из них выпивает больше ведра, и пот с нас льется ручьями. Мы проезжаем пустыню. Скучную, суровую и однообразную. Арабы в белых чалмах и юбках бегут к поезду, чтобы купить в буфете лаваш, папирос и выпить ледяной воды. Я сижу в тесном купе и мечтаю о Москве, о Кратово. Хватит ли у меня физических сил объехать и обнять эту суровую страну? Пока что поездки страшны. Здорово похудел, аппетит совершенно пропал. Надо взять себя в руки.

Мало кто знает страну Иран. Даже в Тегеране, что только нам [не] брехали про Бандар-Шахпур и что в действительности увидели мы. Нам говорили, что это небольшой, но красивый городок. Порт, куда приходят десятки пароходов наших союзников. Что в порту беспрерывно разгружаются грузы для Союза. Это и заставило нас поехать в Бандар-Шахпур. Действительность оказалась иная. Порт имеет дугообразный мол. На причале стоял одиноко один пароход с американским флагом, который разгружал колючую проволоку. Рядом идет строительство англичанами нового пирса. Говорят, что далеко заглядывающие вперед англичане, строя новый

порт, одновременно его и минируют. Сам Персидский залив не произвел того впечатления, которое я предполагал. Воды его голубо-серые отражают безоблачное серое небо. Из-за обилия в заливе рыбы-пилы люди лишены возможности купаться, а вообще рыбы в заливе уйма, но промысловой ловли я там не видел. На молу два-три перса к крючку нанизали куски лаваша и на толстую бечеву ловили, но их добычу мне увидеть не удалось, т.к. солнце так припекало, что мы мгновенно «драпали»

Через каждые четыре часа бывает прилив. В эти часы площадь, прилегающая к заливу, затопляется на несколько километров. Причем подъем воды бывает метра на три. Города Бандар-Шахпура как такового нет, если не считать новые постройки англичан вокруг железнодорожной станции. Эти постройки носят служебный характер. Здесь помещаются управления по перевозке грузов, казармы индусов и склады. Сам город арабской нищеты состоит из нескольких глиняных сараев и соломенных шалашей, где ютятся жители этого страшного города. Это нельзя назвать городом, так же как и жителей его нельзя назвать людьми. Больные, обреченные на голодную смерть, на них становится [муторно] смотреть. От них хочется бежать без оглядки, т.к. помочь им ты ничем не можешь и находиться среди них—страшно.

Пленки у нас мало. Предназначалась она на определенные цели, и, тем не менее, мы решили запечатлеть этот ужас. Весь так называемый город состоит из двух необычайно узких улиц, по которым едва разведутся встречные арбы, а по бокам наспех сколоченные из неотесанных старых досок и плетеных соломенных щитов стоят хибары. Зачем их строить крепче и красивее, когда жизнь здесь такая короткая и такая неприглядная? Люди настолько бедны и оборваны, что потеряли всякое чувство стыда. Огромные дыры одежды безобразно открывают тайники человеческого тела. Мимо тебя старается проскользнуть женщина, тщетно скрывая свое лицо покрывалом, с безобразно повисшими напоказ сосками. Мы видели одну семью, которая была лишена самого скромного уюта. Не имея соломенного щита, эта семья жила под открытым небом так, посреди «города». Мы увидели ее, когда отец семейства разжигал маленький костер, чтобы согреть воды. Жена укладывала сына на покой в грязное тряпье под шум и гвалт улицы.

Что же здесь делают люди? Почему такая нищета? Эти вопросы мы задавали друг другу. Раньше всего нужно описать здешнюю природу, чтобы еще полнее были понятны наши вопросы. Несмотря на близость залива, в этом районе я не видел зеленого куста. Земля пересохла от непосильного зноя, забыла, когда она что-либо рожала. Вода ушла так глубоко, что ни один артезианский или [абиссинский] колодец не может до нее добраться. И город остался без воды. Воду сюда везут. Один раз в сутки поезд из Ахваза пригоняет две цистерны с водой. Но на эту воду много хозяев, и жителям этого города достается в среднем не более 2-х кружек воды на человека. Отсюда большая смертность, повальные кожные заболевания, гноящиеся глаза, огромных размеров лишай у взрослых и у детей и ко всему еще страшный бич человечества—сифилис. Больные люди предоставлены самим себе. Ни о каких медикаментах, а тем более врачах, и говорить нечего. Их мало в культурных центрах Ирана и, конечно, тем самым нет в таких отдаленных местах.

По рассказам, провинция Хузистан была богата. Плотно населена. Плодородна, благодаря широко развитой ирригационной системе. Это было всего два-три столетия тому назад, когда Хузистан был подвластен арабам. «Хозяинничество» персов привело к тому, что многочисленные жители этой провинции обречены теперь на голод и вымирание.

Остановились мы на ночлег у представителя нашего торгпредства. Каменное сооружение расположено поблизости от станции и порта. Три комнаты: приемная, кабинет начальника и спальная комната для трех сотрудников.

ВСТРЕЧА

Мы уже четыре месяца в Иране. Жгучий зной палящего солнца стал остывать. Вечера стали длиннее, прохладнее. Безоблачное, пыльное небо стало покрываться голубою лазурью. Чаше через перевал начали прорываться к Тегерану груды облаков. Иногда они своей белой перекрывали всеильное иранское солнце, и тогда быстрее двигались и облегченно вздыхали жители столицы.

Я не был в Иране ранней весной, когда Тегеран покрывается свежей яркой зеленью. Говорят, что это лучшее время года, но осень здесь также хороша. Нет уже в городе тех длинных мертвых часов, когда Тегеран перестает жить. Ведь в летние месяцы температура поднимается так высоко, что с десяти часов утра начинают опускаться железные шторы магазинов. Извозчики стараются поскорее закончить последний рейс и прячутся в куче под тенью пожелтевших тополей. Грузчики-амбалы даже за большую плату не понесут свои ноши через город. Чиновники к этим часам заканчивают свои дела в учреждениях. Курьеры в униформе в последний раз подойдут к уличным бассейнам со стоячей водой, чтобы смочить лицо и прополоскать рот. На велосипедах они умчатся скорее домой. И пока солнце стоит высоко, город умирает. Прекращается всякое движение. И вы можете пройти самые оживленные центральные улицы Тегерана и не встретить в эти часы живого существа. Тишину города может нарушить изредка въедливый голос торговца водой, кричащего: «Аб ях!» Но кто же купит у него стакан воды со льдом, когда на улице так пусто? Может быть, только такой же, как он сам—тегеранский нищий, бездомный, гонимый и как-то особенно оборванный. Я видел одного такого, у которого передней части одежды уже не существовало и лишь последняя нитка, перехватившая его грудь, еще держала лохмотья задней половины.

Тегеран—город крупных иранских купцов и страшной нищеты. Стоит вам задержаться на мгновение на улице, как около вас вырастают две-три уродливые старухи, дети, пораженные кожными болезнями, и просто здоровые парни, умоляюще смотрящие вам в глаза, с протянутыми руками. И их так много! Они также настойчивы, как и тегеранские мухи, [и] начинают всех раздражать. Не замечать их нельзя, подать им милостыню также опасно, так как это послужит поводом остальным проводить вас два-три квартала по городу. Одному мальчишке я как-то дал десять шай, и с тех пор он меня встречал как старого знакомого и очень был недоволен, когда я не замечал его. С мухами в Тегеране борются. Есть чудное средство «флит»,

от которого чумают они. Для нищих средств нет, и они плодятся с каждым днем все больше. Знал я одного парня призывного возраста, на вид довольно здорового, который привык ко мне и, уже улыбаясь, произносил заученную фразу: «Я умираю от голода. Вы должны меня пожалеть». Причем на чистом русском языке, хотя по происхождению он перс. Модный язык. В Тегеране много русских и поляков.

Всего два-три года тому назад улицы Тегерана кишели проститутками. Говорят, что в этом вопросе Тегеран успешно перегонял даже крупные европейские города. Большинство из этих женщин продолжали носить белое восточное покрывало, что лишь в большей степени привлекало своей экзотикой. Она спокойной походкой шла по панели и незаметно и вкрадчиво-тайнственно шептала: «Я живу близко. Муж уехал, и я сегодня дома одна. Пойдемте».

Теперь на центральных улицах редко можно встретить такую женщину. Старый Реза-шах¹⁰ им отвел громадный квартал города, куда и переселил всех проституток, чтобы, во-первых, они не мозолили глаза иностранцам, а во-вторых, не совращали на свой путь честных женщин.

1. Отточие — в рукописи. Наше посольство находилось и находится на территории обширного парка при шахиншахском дворце. (Шахиншах — титул царей Ирана со времени Сасанидов.)

2. Под «знатным шахом» Посельский, видимо, подразумевает шахиншаха.

3. *Виктор Александрович Штатланд* (1912–1970) — главный оператор фильма.

4. Андимешк — один из городов, где собирали автомобили для отправки в Советский Союз.

5. Ахваз — город на трансиранской железнодорожной магистрали. Басра, Абадан, Бандар-Шахпур — порты северной оконечности Персидского залива.

6. *Густав фон Крупп* (1870–1950) — немецкий промышленник (металлургический и машиностроительный концерн Круппов основан в 1811 году), оказал поддержку Адольфу Гитлеру в 1933 году.

7. Мост, о котором идет речь, был построен в Дизфуле (через реку Диз) по велению царя Шахпура I (241–272).

8. Тобрук — порт в Ливии. Во время 2-й мировой войны в январе 1941 г. занят английскими войсками. В апреле-декабре выдержал 8-месячную осаду немецко-итальянских войск.

9. В 1826–1956 гг. остров Сингапур был английской колонией. На острове была сооружена крупная английская военно-морская база. В 1942 году остров оккупировали японцы.

10. *Реза-шах Пехлеви* (1878–1944) — шах Ирана в 1925–1941, основатель династии Пехлеви. Реза-шах отрекся от престола 16 сентября 1941 года после того, как союзные войска вошли в Иран. На престол вступил Мохаммед Реза Пехлеви.

Публикация, вступительная статья и комментарии
Елена Долгопят
